

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ
КАК КОНЦЕПТ И ИНСТИТУТ
PERSONAL DIGNITY AS A CONCEPT AND INSTITUTION

***Dignitatis Humanae*, современный
конституционализм и правовая экзистенция:
философско-антропологические,
конституционные, международно-правовые
и социально-политические аспекты (Часть 2)***

*И.А. КРАВЕЦ**

* **КРАВЕЦ Игорь Александрович** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского государственного университета (НГУ). Адрес: 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д.1. E-mail: kravigor@gmail.com

В статье обсуждаются проблемы идентификации человеческого достоинства в конституционном и философско-правовом дискурсе, рассмотрены социобиологическая природа и сущность достоинства в современном конституционализме и международной юриспруденции; происхождение и использование “*dignitas*” в рамках римской правовой традиции; развитие представлений о достоинстве личности в эпоху Возрождения и их влияние на юридические доктрины и современную практику конституционного правосудия. Оцениваются перспективы возвышения человеческого достоинства в современной юриспруденции с позиций философского и метаюридического анализа. Обосновано, почему слово “достоинство” занимает центральное положение в современной этической и конституционно-правовой дискуссии. Цель статьи – определить значение и роль юридического полиморфизма в создании разнообразных правовых форм человеческого достоинства; роль диалога европейского и российского конституционализма по вопросу о достоинстве; влияние современного культурного многообразия на секуляризацию и универсализацию человеческого достоинства. Научные каноны обсуждения категории “человеческое достоинство” расширяются благодаря применению концепций итеративности, полиморфизма, дивергентности, экспрессивной теории права в вопросах взаимодействия прав человека, демократического конституционализма, национального и международного правопорядков, разнообразных форм человеческой деятельности, вовлекающих использование потенциала прав человека в их отраслевой и социально-политической специфике.

Ключевые слова: *dignitas humanae*, человеческое достоинство, российский и международный конституционализм, правовая экзистенция, этика достоинства, идентичность, конституционное правосудие, юридический полиморфизм, права человека, международное право о достоинстве, экспрессивная функция достоинства.

* Часть 1 см. в ОНС № 5 2020.

DOI: 10.31857/S086904990013046-2

Цитирование: Кравец И.А. (2020) *Dignitatis Humanae*, современный конституционализм и правовая экзистенция: философско-антропологические, конституционные, международно-правовые и социально-политические аспекты // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 35–48. DOI: 10.31857/S086904990013046-2

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-111-50149.

***Dignitatis Humanae*, modern constitutionalism and legal existence: philosophical and anthropological, constitutional, international legal and socio-political aspects (Part 2)**

*Igor A. KRAVETS**

* **Igor A. Kravets** – Doctor of Science (in Law Studies), Head of the Chair of Theory and History of State and Law and Constitutional Law of the Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk State University (NSU), professor. Address: 630090, Pirogova str., 1, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kravigor@gmail.com

Abstract. The article discusses the problems of identification of human dignity in constitutional and philosophical legal discourse, examines the sociobiological nature and essence of dignity in modern constitutionalism and international jurisprudence; the origin and use of "dignitas" in the Roman legal tradition; the development of ideas about human dignity in the Renaissance and their impact on legal doctrines and modern practice of constitutional justice. The work assesses the prospects for the elevation of human dignity in modern jurisprudence from the perspective of philosophical and meta-legal analysis. The article substantiates why the word "dignity" occupies a central position in the contemporary ethical and legal debate. The aim of the article is to define the meaning and role of legal polymorphism in creating various legal forms of human dignity; the role of dialogue between European and Russian constitutionalism on the issue of dignity; the impact of contemporary cultural diversity on the secularization and universalization of human dignity. The scientific canons for discussion of the category "human dignity" are expanding through the application of the concepts of iterativity, polymorphism, divergence, expressive theory of law in matters of interaction of human rights, democratic constitutionalism, national and international legal order, various forms of human activity, involving the use of the potential of human rights in their sectoral and socio-political specifics.

Keywords: dignitas humanae, human dignity, Russian and international constitutionalism, legal existences, ethics of dignity, identity, constitutional justice, legal polymorphism, human rights, international law on dignity, expressive function of dignity.

DOI: 10.31857/S086904990013046-2

Citation: Kravets I. (2020) *Dignitatis Humanae*, modern constitutionalism and legal existence: philosophical and anthropological, constitutional, international legal and socio-political aspects. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 35–48. DOI: 10.31857/S086904990013046-2

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-111-50149.

**Конституционализм, правовая онтология достоинства человеческой личности
и перспективы трансгуманизма**

Можно ли считать, что конституционализм по сравнению с международным публичным правом и международной юриспруденцией прав человека, воспринимая базовые положения о достоинстве человека, значительно расширяет конституционные, правовые и судебные формы институционализации и обеспечения человеческого достоинства? В международном публичном праве, несмотря на значительное количество универсальных правовых актов, упоминающих человеческое достоинство, нет согласованной позиции о статусе таких положений (о достоинстве). Наиболее авторитетная позиция отечественных ученых – упоминание о человеческом достоинстве в контексте “работы” такого основного принципа международного публичного права, как уважение прав человека в связи с его развитием после Второй мировой войны [Карташкин 2019, с. 38–49]; или развитие идеи прав человека и ее критики в международной юриспруденции [Толстых 2019, с. 502]. Многие ученые-международники (российские и иностранные) констатируют отсутствие *принципиального консенсуса* в отношении правового института достоинства. На мой взгляд, *принцип уважения, защиты и охраны человеческого достоинства имеет право на более высокий статус; он может претендовать на статус самостоятельного (и взаимосвязанного с другими) общего принципа международного права.*

В международной юриспруденции прав человека человеческое достоинство рассматривается как ведущая идея (или принцип), которая помогает оправдывать “широкое толкование прав человека”; “усиливает центральное значение и важность рассматриваемого права и ограничивает возможные исключения или ограничения из этого права” (права на достоинство). Профессор международного права П.Дж. Карозза (Университет Нотр-Дам)¹ утверждает, что трудность достижения консенсуса в отношении значения и последствий человеческого достоинства в международном праве прав человека может объясняться тем фактом, что в нем говорится как об основополагающей предпосылке прав человека, так и о принципе, который влияет на толкование и применение конкретных прав человека [Carozza 2013, p. 346–347].

Заслуживает внимания и обсуждения вопрос о возможности принятия *Декларации ООН об уважении, защите и охране человеческого достоинства* для современного мира. Такая декларация способна аккумулировать универсальные правовые нормы (в настоящее время они разбросаны по многим актам) и одновременно разграничить правовой режим и юридические формы человеческого достоинства как универсального права человека, лежащего в основе социобиологической природы человека и его права на права.

Современный европейский и российский конституционализм имеют как различные правовые принципы и практики, так и общие векторы развития. Важное значение приобретает возможность российско-европейского диалога в позиционировании человеческого достоинства. В европейской правовой культуре человеческое достоинство рассматривается как “сердце европейского конституционализма”, как принцип “европейского конституционализма первого порядка” со значительным эвристическим потенциалом [Dupré 2016, p. 5; Dupré 2013, pp. 319–320]. Российский конституционализм потенциально содержит вектор правовой гуманитарной экзистенции, базирующийся на положениях ч.1 ст.21 Конституции РФ и правовых позициях Конституционного суда РФ. Количество положений Конституции РФ 1993 г. о достоинстве расширилось после внесения поправок

¹ П.Дж. Карозза – профессор права и директор Института международных исследований им. Келлогга в Университете Нотр-Дам, где он также руководит Центром гражданских прав и прав человека (<https://law.nd.edu/directory/paolo-carozza>).

Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ), одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. Теперь слова “достоинство” и “достойный” употреблено четыре раза в Конституции РФ (ч.1 ст.21 – “Достоинство личности охраняется государством”; ч.2 ст.21 – “Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию”; п. “ж.1” ч.1 ст.72 Конституции РФ – “создание условий для достойного воспитания детей в семье”; ст.75.1 – “В Российской Федерации... гарантируется защита достоинства граждан и уважение человека труда...”). Два последних положения являются новыми. Принцип защиты достоинства граждан (ст.75.1 Конституции РФ) по формулировке уже, чем признаваемый в правовых позициях Конституционного суда РФ, который распространяет охрану и защиту достоинства не только на граждан РФ, но и на других лиц (иностранных граждан, бипатридов, апатридов)². Представляется важным конституционному правосудию и юридической практике оставаться в пределах широкой интерпретации нового конституционного положения.

В доктрине нормативные положения о достоинстве личности, правовые позиции Конституционного суда РФ и их научное осмысление предложено именовать “конституционализмом человеческого достоинства” [Kravets 2019, р. 98–99]. В процессе развития российского конституционализма уже выработаны различные содержательные элементы. Они рассматриваются в границах конституционализма человеческого достоинства как *нашей и перспективная программа российской конституционной идентичности*:

- принцип уважения человеческого достоинства;
- принцип конституционной охраны достоинства личности;
- принцип конституционно-правовой и конституционно-процессуальной защиты достоинства личности в рамках конституционного правосудия;
- принцип равного достоинства как конституционализированный принцип основ правового статуса личности;
- постепенное признание субъективного конституционного права на достоинство, которое может иметь статус конституционализированного основного права человека и гражданина в Российской Федерации, непосредственно не предусмотренного Конституцией РФ, но имплицитно присутствующего и выводимого из положений о том, что “достоинство личности охраняется государством”.

Отмеченные юридические формы конституционализации достоинства личности соединяют доктринальные и судебно-практические компоненты; они могут рассматриваться как *нормативно-правовые* и *процессуальные формы конституционализма человеческого достоинства*. Нормативное содержание конституционной категории “достоинство личности” только вырабатывается практикой Конституционного суда РФ. Эта интерпретационная практика вселяет надежду на гуманитарно-обеспечительный вектор правового развития России. Наиболее важные правовые позиции Конституционного суда РФ достоинства личности требуют осмысления в контексте отмеченных форм конституционализации. Во-первых, это положение о том, что достоинство личности выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения³. Во-вторых, обязанность России как государства охранять достоинство личности и ее права

² По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 8 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Чонг Хая: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 21-П // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>).

³ Постановления КС РФ от 20 декабря 2010 г. № 21-П, от 9 июля 2013 г. № 18-П; определения КС РФ от 15 февраля 2005 г. № 17-О, от 5 марта 2009 г. № 376-О-П, от 22 января 2014 г. № 13-О, от 23 июня 2015 г. № 1431-О, от 20 декабря 2016 г. № 2598-О.

во всех сферах, где они реализуются⁴. В-третьих, никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с ним прав⁵.

Предварительный итог обеспечения обязанности России охранять достоинство личности во всех сферах реализации ее прав и свобод показывает значительную дифференциацию и разную степень обеспеченности достоинства, когда реализуются и защищаются личные (гражданские), политические, социальные, экономические и культурные права и свободы, права в области правосудия. Исследователи констатируют проблемную зону охраны и обеспечения достоинства личности в сфере достижения социального благополучия (см. [Кравец 2020^b]). В практике российского конституционного правосудия не разрешен спор о конкуренции концепций достоинства личности: 1) *эгалитаристского универсализма* в условиях демократического государства (признающего безусловное и абсолютное достоинство за всеми); 2) *меритократического ранжирования* (ограничивающего и/или градуирующего закрепление достоинства в зависимости от заслуг индивида перед обществом и государством). Можно предположить, что в доктрине и практике российского и судебного конституционализма эта конкуренция будет сохраняться.

Вместе с тем важно предложить *конституционно-правовой критерий* возможного балансирования между двумя концепциями и их применения в конституционном правосудии. Критерием для разграничения может выступать *наличие/отсутствие специального правового статуса у лица*. Для лиц, не облеченных публично-властными полномочиями, а также интерпретации достоинства личности наиболее уместна *концепция эгалитаристского универсализма*. К лицам, обладающим публично-властными полномочиями (судьи, дипломатические сотрудники и др.), если они выступают в качестве таковых в вопросах охраны и защиты достоинства, применима *концепция меритократического должностного ранжирования*. Очевидно, что достоинство судьи, дипломата, консула или сотрудников дипломатических миссий имеет особенности правовой охраны и защиты по сравнению со статусом граждан, иностранцев, апатридов, не обладающих такими особенностями.

В литературе ведется дискуссия, имеет ли достоинство нормативное содержание? Данный вопрос задают многие исследователи, среди них – юристы и философы, которые предлагают *юридическую и моральную нормативность*. Отсюда два разных подхода: о существовании юридических прав человека на достоинство; о существовании моральных прав человека на достоинство. Взгляды современных российских [Бондарь 2017; Кравец 2020^a] и зарубежных ученых и философов Дж. Уолдрона [Waldron 2012], А. Барака [Barak 2013], В. Джексона [Jackson 2004], С. Бенхабиб [Benhabib 2011], Р. Глэнси [Glensy 2011], Э. Дейли [Daly 2012] отражают дискуссию на природу юридических или конституционных прав на человеческое достоинство, способы защиты достоинства юридическими средствами, различие достоинства как конституционного права и как конституционной ценности (А. Барак), а также на соотношение юридических и моральных прав на достоинство.

Моральные права человека на достоинство имеют *до-правовой* статус или могут существовать *наряду с юридическими правами на достоинство*. Они могут быть нарушены, оставляя в неприкосновенности правовые нормы, а само нарушение – причинять моральный ущерб человеку. Средства правовой защиты не всегда могут быть использованы для их восстановления, хотя в определенных случаях может быть получена компенсация морального вреда (через применение норм гражданского и процессуального законодательства о защите чести и достоинства физического лица или деловой репутации юридического лица).

⁴ Постановления КС РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 25 апреля 2001 г. № 6-П; определения КС РФ от 1 марта 2010 г. № 323-О-О, от 28 июня 2018 г. № 1662-О.

⁵ По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

В отличие от моральных прав человека на достоинство, *юридические права на достоинство* имеют правовое закрепление и правовой статус (имплицитный или эксплицитный), благодаря существованию не только “буквы закона” или “буквы правовых норм”, но и выводимых из них правоположений, правовых позиций Конституционного суда РФ (вследствие толкования положений ч.1 ст.21 Конституции РФ). Как отмечает Уолдрон, правовая система – это нормативный порядок, как явный (эксплицитный), так и неявный (имплицитный). “Эксплицитно она берет на себя определенные нормы – правила и стандарты, которые, как она публично заявляет, будет поддерживать и применять”. Некоторые из правил и стандартов фактически поддерживаются и применяются, но для других этого не происходит. Именно “эксплицитное содержание правовой системы дает нам довольно прямую основу для того, чтобы говорить в таких случаях, что правовая система не соответствует своим собственным стандартам” [Waldron 2012, p. 200, 221]. В Российской Федерации после вступления в силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г. *эксплицитное поле конституционализма человеческого достоинства расширилось*; одновременно возникает сложность его обеспечения и опасность его нейтрализации имплицитными правилами, нацеленными на поддержание иерархической справедливости и достоинства личности, ориентированного на должностные и статусные позиции различных лиц.

В отношении *нормативного правового содержания человеческого достоинства* ведутся дискуссии, отражающие два течения: *нормативный правовой минимализм* и *нормативный правовой ойкуменизм*. Оба подхода отражают специфику взаимоотношений человеческого достоинства и прав человека. Нормативный правовой минимализм отстаивает значение человеческого достоинства только применительно к перечню наиболее важных (и в этом смысле минимальных) прав и свобод человека (право на свободу, личную неприкосновенность, другие личные гражданские права и свободы). Нормативный правовой ойкуменизм выражает стремление правовой системы охватить весь перечень прав и свобод, связанных с достоинством личности; в контексте регулирования и реализации таких прав и свобод должны обеспечиваться защита и охрана человеческого достоинства. В России Конституционный суд демонстрирует намерение обеспечивать *национальный правовой ойкуменизм* в отношении всего спектра прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Суд констатирует наличие у Российской Федерации конституционной обязанности охранять достоинство личности, ее права во всех сферах реализации и правового регулирования. Это весьма широкий заявленный *диапазон конституционно-правовых и государственных гарантий достоинства*.

Сможет ли Российское государство обеспечить реализацию правовых позиций Конституционного суда РФ? Отмеченный конституционно-интерпретационный тренд нормативного понимания достоинства личности имеет явный гуманистический смысл, отражает правовую онтологию и высокий конституционный статус достоинства в современной российской юриспруденции. Вместе с тем он формирует в обществе и правовой системе страны очевидно завышенные ожидания, которые могут контрастировать с реальными нарушениями достоинства, прав и свобод личности, серьезными препятствиями в продвижении равного достоинства в связи со значительным социальным расслоением и господством патримониальной разновидности иерархической справедливости [Кравец 2020^b, с. 32]. В современном российском обществе преобладает статусный иерархический (основанный на принадлежности к должностному положению) вариант *достоинства личности*.

Следует ли признавать онтологическую неприкосновенность достоинства человеческой личности как необходимое условие развития и реализации различных способностей человека, движения к процветанию человека и человечества? Концепция человеческого достоинства сложна и обременена существенными проблемами в качестве центральной

для современной архитектуры прав человека [Mahlmann 2012, p. 371–373], но не только для них. Проблема может быть рассмотрена как центральная для способностей человека и для правопорядка в целом, где человеческое достоинство играет основополагающую роль. Дискуссионны многие вопросы, возникающие вокруг понятия “достоинство”; среди них и дилемма о сохранении онтологической неприкосновенности достоинства, и потребность отвечать зову времени и развивать способности человека в условиях информационной и технологической революций.

Существует метафора человеческого процветания, связанная с всемерным развитием и реализацией способностей человека перед лицом времени, технологий и прогресса. Как пишут исследователи, “метафора расцвета обеспечивает вдохновляющую основу для размышлений о человеческом развитии и обязанностях, и что идея человеческого достоинства является критическим элементом в этой дискуссии” [Kleinig, Evans 2013, p. 539–540]. По мнению Ф. Фукуямы, человеческая природа обусловлена генетически и представляется “суммой поведения и характеристик, которые являются типичными для человеческого вида, обусловленные генетическими, а не факторами окружающей среды” [Fukuyama 2002, p. 130]. Обладание нравственным выбором, человеческим языком, разумом, общительностью, эмоциями, чувствительностью и сознанием – вот качества, отличающие людей от животных. Фукуяма называет “Фактором икс” (“Factor X”) важное человеческое качество, достойное некоего минимального уровня уважения; оно несводимо к простой совокупности человеческих качеств; это – “сложное целое”, а не “сумма простых частей”, но именно это сложное целое составляет основу человеческого достоинства. Онтологически и генетически человек обладает достоинством, которое выделяет его среди других живых существ, позволяя ему занимать более высокое моральное положение.

Фукуяма считает, что “каждый член человеческого рода обладает генетическим даром, который позволяет ему или ей стать целым человеком, даром, который отличает человека по существу от других типов существ” [Fukuyama 2002, p. 171]. Таким образом, он прямо помещает источник человеческого достоинства в генетику человека, приводя аргумент против нерегулируемой модификации человеческих эмбрионов. Фукуяма утверждает, что моральный статус человеческих эмбрионов выше, чем у человеческих клеток или тканей человека, потому что они обладают “потенциалом стать полноценным человеком”. Он приходит к выводу, что было бы разумно (если нет религиозных оснований) “ставить вопрос о том, должны ли исследователи свободно создавать, клонировать и уничтожать человеческие эмбрионы по своему усмотрению” [Fukuyama 2002, p. 176].

В современных исследованиях вопрос об улучшении человеческой природы рассматривается как *позитивный вектор трансгуманизма*. Р. Сандлер и Дж. Базл указывают на то, что трансчеловеческое совершенствование (“transhuman enhancement”), по крайней мере, не должно нарушать человеческое достоинство: если в основе морального статуса лежит психологический потенциал, то человеческое достоинство – это своего рода моральный статус и им обладают большинство людей в силу психологических способностей (или они разовьются при нормальных обстоятельствах) [Sandler, Basl 2010, p. 63–66]. Р. Мейлен, однако, вслед за Ч. Тейлором, утверждает: достоинство означает, что личность человека признается другими как существо равной ценности независимо от степени различия в идентичности. Эта концепция достоинства требует быть частью сообщества общих ценностей, что, в свою очередь, зависит от способности выражать и делиться ими. Хотя улучшение не препятствует сохранению этой способности как таковой, Мейлен предполагает, что поскольку технологические устройства не обладают такой способностью, любое, состоящее из таких устройств, рискует потерять способность участвовать в общности ценностей, что важно для признания достоинства или признания его достойным [Meulen 2010, p. 69–70].

Следовательно, достоинство имеет *онтологический статус* и в то же время имеет *характер раскрывающегося человеческого потенциала* (социальное развертывание человеческого достоинства). Поэтому можно говорить о достоинстве человека в четырех различных значениях: 1) достоинство отражает статус и членство человека в мире живых существ; 2) достоинство человека связано с его человеческими способностями и возможностями, которые присущи ему как представителю человеческого рода; 3) в достоинстве заключена самооценка каждого отдельного взятого человека; 4) достоинство реализуется через человеческие отношения в поведенческих актах во взаимодействии с другими лицами. Статус и способности человека по общему правилу всегда существуют благодаря биосоциальной природе человеческого существа, именно они и образуют онтологическое ядро человеческого достоинства. Самооценка человека и реализация его способностей в актах поведения зависят в том числе от коммуникативных взаимодействий, которые могут повышать или понижать самооценку человека, влиять на внутренний авторитет достоинства.

Онтологический статус и социальная характеристика достоинства раскрывают различные грани его человеческой природы. Ю. Хабермас отмечает, что есть конкретная концепция достоинства или “социальной чести” (“social honor”); она “принадлежит миру иерархически упорядоченных традиционных обществ”. Однако в современном мире существует требование “универсального достоинства”; оно “присуще всем людям, в равной степени сохраняет значение самоуважения, которое зависит от общественного признания” [Habermas 2010, p. 472]. Достоинство как “социальная честь” зависит от степени внутренней самооценки человека и от признания его заслуг со стороны других людей в процессе реализации человеческих способностей. Л. Касс отличает основное достоинство от того, что он называет “полным достоинством бытия человека”, и считает, что концепция достоинства “по-прежнему передает присутствие и активное отображение того, что по-человечески лучше”. И это включает в себя “мужество, умеренность, щедрость, праведность и другие человеческие добродетели” [Kass 2008, p. 297–331].

Достоинство как важное понятие современной этики участвует в дебатах, касающихся этики человеческого улучшения; роста человеческого капитала и совершенствования природы человека в условиях информационной и технологической революций. В целом верно утверждение, что каждая этическая система, как по умолчанию, так и прямо, на самом деле включает в себя некоторый *принцип личного достоинства* [Laird 1940, p. 145]. Конечно, признание достоинства личности сопрячено пониманию человека как ответственного и рационального субъекта, который и в индивидуальном плане, и как часть человечества, отвечает за собственный выбор. По мнению исследователей, “*Homo Sapiens* был таким плодовитым видом просто потому, что мы очень хорошо неустанно адаптируемся к окружающей среде”. Человек хочет изменить не только окружающий его мир, но и превзойти самого себя, опираясь на достижения науки и новые технологии, стать “человеком превосходным” (*Homo superior*). Продолжая работать над разгадкой тайн нашего разума и тела, в сочетании с искусством и наукой о новых технологиях, мы близки к началу революции в области человеческого совершенствования, отмечают ученые (Human Enhancement Revolution) [Allhoff et al 2010, p. 1].

Очевидно, назрела потребность обсуждать природу и содержательные параметры *трансгуманитарного права*. Правоведение находится на пути к *трансгуманитарной юридической революции*, которая уже началась в сфере правового регулирования генома человека. Однако важнее выработать *принципы трансгуманитарного права* на основе онтологической неприкосновенности человеческого достоинства; разработать *внутригосударственные гарантии генетического равноправия* на основе уважения достоинства и прав личности. С конца 90-х гг. XX в. развивается биомедицинское право в связи с развитием новых биомедицинских технологий, в том числе вспомогательных репродуктив-

ных технологий, оказывающих влияние на российское законодательство в данной сфере [Левощенко 2000; Алтынник и др. 2019; Васильев и др. 2019].

С позиций Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека 1997 г. (принятой Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры, ЮНЕСКО) [Всеобщая декларация... Web] человеческое достоинство и геном человека имеют этические и правовые формы взаимосвязи: 1) геном человека признается декларацией в качестве основы изначальной общности всех представителей человеческого рода, лежит в основе признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия, знаменует собой достояние всего человечества (ст.1); 2) генетическое равноправие сочетается с гарантиями человеческой уникальности: с одной стороны, генетические характеристики не должны служить основанием для различия в признании права на уважение человеческого достоинства и его прав; с другой стороны, достоинство непреложно означает, что личность человека не может сводиться к его генетическим характеристикам и требует уважения его уникальности и неповторимости (ст.2).

Российское конституционное право и конституционное правосудие стоят на пути признания и распространения принципа равного достоинства на генетическое равноправие человека и гражданина. Важно обеспечивать генетическое равноправие человека государственно-правовой политикой в области исследований, лечения и диагностики генома человека, а также средствами конституционного правосудия, опираясь на принцип равного достоинства.

В современных исследованиях развивается и натуралистический взгляд на человеческое достоинство. По мнению Р. Макклелланда (Университет Гонзага), “достоинство имеет существенные связи с современными биологическими представлениями о людях”, можно говорить о “биологической матрице достоинства”, способной устранить недостатки иных подходов [McClelland 2011, p. 5–8]. Он предлагает три основных биологических контекста для понимания достоинства в натуралистическом подходе: взаимодействие и наказание, поскольку оба вовлечены в развитие “про-социального кооперативного поведения” среди людей, и достоинство как коммуникативный сигнал, также влияющий на развитие сотрудничества.

“Биологическая матрица достоинства” – это скорее метафора, которая не может игнорировать социально-политические и правовые факторы развертывания человеческого достоинства в социальной среде, в правовых инструментах регулирования и защиты. Достоинство – неотъемлемое свойство человеческой личности. Оно отличается от неотъемлемых прав и свобод человека, призванных вселить уверенность в человеческое существо перед образом права (но не бога) в том, что его интересы, несомненно, будут учтены и в большей или меньшей степени удовлетворены посредством использования правовых форм, выдвинутых современностью в виде основных прав и свобод личности. По мнению одних исследователей (см. [Bennett 2016, p. X]), “достоинство было выдвинуто как *матрица человеческой ценности* *par excellence*”; ценности оригинальной и определяющей.

Признание за достоинством изначального характера порождает проблему сохранения, развития и воплощения в условиях технического прогресса “матрицы человеческой ценности”: 1) онтологическая неприкосновенность человеческого достоинства – важная константа природы человека, стремление к ее сохранению и обеспечению государственно-правовыми и международно-правовыми средствами содействует расширению сферы реализации возможностей человека; 2) генетическая предрасположенность каждого человека к развертыванию личностных качеств в социальной среде выделяет его среди других живых существ. Однако правовая экзистенция человеческого достоинства соединяет взаимодействующие между собой моральные и юридические права на достоинство, влияющих на сохранение культурных и религиозных особенностей и в то же время воздействующих на развивающийся баланс светских и теологических истоков достоинства личности.

Юридический полиморфизм, универсализм и правовой плюрализм человеческого достоинства

Существование человеческого достоинства и прав человека облекается в правовые и экзистенциальные формы. Наиболее важные его формы демонстрируют *взаимообусловленный характер* достоинства и прав человека. 1) Достоинство благодаря целому ряду международных правовых актов, практике российского конституционного правосудия рассматривается как основание, но не синоним прав человека. 2) Достоинство в ряде конституционных актов и судебной практике (ФРГ, Израиль, США) рассматривается как основное (не всегда имеющее конституционно закрепляемый статус) право человека, которое демонстрирует приоритетное право на защиту. 3) Достоинство выполняет важную телеологическую функцию в конституционном и правовом пространстве, рассматривается как цель правового регулирования и конечная цель защиты прав человека. При этом особенно важен контекст влияния международного публичного права и международной юриспруденции прав человека на развитие внутригосударственных средств защиты. 4) Достоинство выполняет интегративную функцию (и функцию юридического и морального ориентира) по отношению к правам человека; оно не является простой “суммой” прав человека, в то же время позволяя экстраполировать на права человека мерилу достойной жизни, достойной старости, достойной смерти, достойного социального обслуживания, достойных человека гарантий и обеспечения прав и свобод.

Человеческое достоинство через право приобретает характер юридической универсалии, отражающей множество сингулярностей человеческого свойства и человеческой природы в контексте правового, культурного и этнического многообразия. В современном праве (на международном и внутригосударственном уровне) существуют *две тенденции пролиферации* человеческого достоинства как правового института. С одной стороны, *универсализация и европеизация человеческого достоинства* в различных секторах международного публичного права, европейского права и права Совета Европы в области прав человека (например, ст.3 Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) запрещает пытки, “бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение и наказание” (практика ЕСПЧ) и юридический полиморфизм достоинства как правового института во внутригосударственном (конституционном, уголовном, гражданском) праве и конституционном правосудии.

С другой стороны, развитие *правового плюрализма человеческого достоинства на правовой карте мира*; глобализация прав человека и человеческого достоинства содействует возникновению множества “правовых образов” достоинства в странах, различающихся правовой, культурной спецификой. Обе тенденции взаимодействуют, влияют друг на друга, вследствие чего появляются элементы “конституционной самобытности человеческого достоинства”.

Признание существования юридических прав на достоинство и моральных прав на достоинство личности. Различия между ними существенны. Юридические права на достоинство имеют статус закрепленных в различных источниках права: международных правовых актах, конституциях современных государств, отраслевом законодательстве отдельных стран (гражданском, уголовном, процессуальном и др.). Моральные права на человеческое достоинство в большей степени приспособлены для условий культурного и религиозного плюрализма в современном мире; однако секуляризация и освоение достоинства правом сохраняет возможность применять моральные права в качестве дополнительного по отношению к праву регулятора; именно в них и через них сохраняется связь между светским и теологическим пониманием достоинства.

Достоинство личности облекается в правовую норму, создавая важный юридический инструмент борьбы человека за свои права и за свое достоинство. Важно оценивать

экспрессивную функцию юридических норм о человеческом достоинстве. Преодолевать неопределенность достоинства и отличать его от иных человеческих и правовых ценностей возможно, опираясь на его экспрессивную концепцию. В этом случае концепт достоинства испытывает влияние экспрессивной теории права. Как считает [Khaitan 2012, p. 1, 3–4], правовой идеал достоинства лучше всего понимать как экспрессивную норму: акт неуважения к чьему-либо достоинству зависит от значения, им выражаемому, а не от его последствий или любого другого его атрибута. Экспрессивный характер юридических норм о достоинстве не стоит абсолютизировать; последствия могут иметь важное значение для выбора правовых средств для его защиты и определения возможных юридических последствий.

Юридический полиморфизм категории “достоинство личности” – более адекватная и интегрирующая концепция, позволяющая, с одной стороны, синтезировать, а с другой – разграничивать моральные и политические, правовые и экзистенциальные ценности человеческого достоинства, находить интересам и правам личности соразмерные юридические формы для выражения и развития человеческих способностей. Человеческое достоинство под влиянием различных юридических форм своего закрепления (юридического полиморфизма) соединяет моральные, экзистенциальные и правовые компоненты в единое целое; тем самым юридический полиморфизм содействует разграничению моральных и юридических прав человека на достоинство, необходимое для учета религиозных, этико-культурных и других факторов в человеческой деятельности, статусе и идентификации личности. Достоинство – это то качество человеческой личности, которое позволяет преодолевать лишения, боль, нарушение прав человека и в то же время стремиться к развертыванию своих способностей в различных сферах жизнедеятельности; оно “работает” и на перспективу улучшения человеческого потенциала независимо от того, являемся ли мы биоконсерваторами или трансгуманистами. В конечном итоге именно достоинство (как и факты посягательства на него), а также отношение к нему человека как к важнейшему элементу правового статуса и правовой концепции личности в условиях развития современного права (внутригосударственного, наднационального и международного) подталкивает к созданию разнообразных форм правового закрепления достоинства и юридических гарантий его защиты и обеспечения в том числе в сфере генетики, где остро стоит проблема обеспечения генетического равноправия, исследований и диагностики генома человека на основе равного достоинства.

Применение биомедицинских технологий требует расширения правового поля защиты прав человека и человеческого достоинства, для чего Российской Федерации следует ратифицировать Конвенцию о защите прав человека и человеческого достоинства при использовании и биологии, и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтынник Н.А., Комарова В.В., Бородина М.А., Суворова Е.И., Зенин С.С., Суворов Г.Н. (2019) Международно-правовое регулирование предимплантационной генетической диагностики (ПГД) и тенденции развития российского законодательства в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // *Lex russica* (Русский закон). № 6. С. 9–17 (<https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.009-017>).

Бондарь Н.С. (2017) Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // *Конституционное и муниципальное право*. № 4. С. 19–31.

Васильев С.А., Осавелюк А.М., Бурцев А.К., Суворов Г.Н., Сарманаев С.Х., Широков А.Ю. (2019) Проблемы правового регулирования диагностики и редактирования генома человека в Российской Федерации // *Lex russica* (Русский закон). № 6. С. 71–79 (<https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.071-079>).

Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (Web). Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принята 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml).

Карташкин В.А. (2019) Права человека и принципы международного права в XXI веке: Монография. М.: Норма: ИНФРА-М.

Кравец И.А. (2020^a) *Homo Dignus* в философском и правовом дискурсе: человеческое достоинство и философия конституционализма // Вопросы философии. № 2. С. 26–37.

Кравец И.А. (2020^b) Конституционализация достоинства личности и перспективы права на социальное благополучие // Государство и право. № 1. С. 41–53.

Левощенко В.С. (2000) Новый аспект в международной защите прав человека: этика и биомедицина // Вестник РУДН, сер. Юридические науки. № 2. С. 135–142.

Толстых В.Л. (2019) Курс международного права: учебник. М.: Проспект.

Allhoff F. et al. (2010) Ethics of Human Enhancement: 25 Questions & Answers // *Studies in Ethics, Law, and Technology*. Vol. 4. DOI:10.2202/1941-6008.1110.

Barak A. (2013) Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right // McCrudden Ch. (ed.). *Understanding Human Dignity*. Oxford, British Academy, pp. 361–380.

Barak A. (2012) Foreword // Daly E. *Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. P. IX–XII.

Benhabib S. (2011) *Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times*. Cambridge, Mass.: Polity Press.

Bennett G. (2016) *Technicians of Human Dignity. Bodies, Souls, and the Making of Intrinsic Worth*. New York: Fordham Univ. Press.

Carozza P.G. (2013) Human Dignity // *The Oxford Handbook of International Human Rights Law* / Ed. by Dinah Shelton. Oxford: Oxford Univ. Press. DOI: 10.1093/law/9780199640133.003.0015

Daly E. (2012) *Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.

Dupré C. (2013) Human Dignity in Europe: A Foundational Constitutional Principle // *European Public Law*. Vol. 19 (2). Pp. 319–339.

Dupré C. (2016) *The Age of Dignity: Human Rights and Constitutionalism in Europe*. Bloomsbury Publishing.

Düwell M. (2011) Human Dignity and Human Rights // Kaufmann P. et al. (eds.) *Humiliation, Degradation, Dehumanization*. Springer. Pp. 215–230. DOI: 10.1007/978-90-481-9661-6_15

Fukuyama F. (2002) *Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Glensy R.D. (2011) The Right to Dignity // *Columbia Human Rights Law Review*. Vol. 43. No 1. Pp. 65–142.

Habermas J. (2010) The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights // *Metaphilosophy*. Vol. 41 (4). Pp. 464–480.

Jackson V. C. (2004) Constitutional Dialogue and Human Dignity: States and Transnational Constitutional Discourse // *Montana Law Review*. Vol. 65. Iss. 1. Pp. 15–40.

Kass L.R. (2008) *Defending Human Dignity* // *Human Dignity and Bioethics: Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*. President's Council on Bioethics, ed. Washington, DC: President's Council of Bioethics. Pp. 297–331.

Khaitan T. (2012) Dignity as an Expressive Norm: Neither Vacuous Nor a Panacea // *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 32 (1). Pp. 1–19.

Kleinig J., Evans N.G. (2013) Human Flourishing, Human Dignity, and Human Rights // *Law and Philosophy*. Vol. 32. No. 5. Pp. 539–564. DOI: 10.1007/s10982-012-9153-2.

Kravets I.A. (2019) The Constitution of the Russian Federation, Human Rights and Human Dignity: Dialogue of Constitutional Theory, Practice of Constitutional Justice and International Norms // *Juridical Science and Practice*. Vol. 15. No. 2. Pp. 93–104. DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104

Laird J. (1940) The Ethics of Dignity // *Philosophy*. Vol. 15. No. 58. Pp. 131–146.

Mahlmann M. (2012) Human Dignity and Autonomy in Modern Constitutional Orders // Rosenfeld M. & Sajó A. (eds) *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford Univ. Press. Pp. 371–396.

- McClelland R.T. (2011) A Naturalistic View of Human Dignity // *The Journal of Mind and Behavior*. Vol. 32(1). Pp. 5–48.
- Meulen R.T. (2010) Dignity, Posthumanism, and the Community of Values // *The American Journal of Bioethics*. Vol. 10. Issue 7. Pp. 69–70. DOI: 10.1080/15265161003728852
- Rubin C. (2008) Human Dignity and the Future of Man. In *Human Dignity and Bioethics*. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics. Washington, D.C. Pp. 155–172.
- Sandler R., Basl J. (2010) Transhumanism, human dignity, and moral status // *The American Journal of Bioethics*. Vol. 10. Issue 7. Pp. 63–66. DOI: 10.1080/15265161003714019
- Waldron J. (2012) How Law Protects Dignity // *The Cambridge Law Journal*. Vol. 71. No. 1. Pp. 200–222. DOI: 10.1017/S0008197312000256

REFERENCES

- Allhoff F. et al. (2010) Ethics of Human Enhancement: 25 Questions & Answers. *Studies in Ethics, Law, and Technology*, vol. 4. DOI:10.2202/1941-6008.1110.
- Altyunnik N.A., Komarova V.V., Borodina M.A., Suvorova E.I., Zenin S.S., Suvorov G.N. (2019) Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie predimplantatsionnoi geneticheskoi diagnostiki (PGD) i tendentsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva v sfere vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii [International Legal Regulation of Preimplantation Genetic Diagnostics (PGD) and Trends in the Development of Russian Legislation in the Field of Assisted Reproductive Technologies], *Lex Russica*, no. 6, pp. 9–17 (<https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.009-017>).
- Barak A. (2012) Foreword. In Daly E. *Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, pp. IX–XII.
- Barak A. (2013) Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right. In McCrudden Ch. (ed.). *Understanding Human Dignity*. Oxford, British Academy, pp. 361–380.
- Barilan Y.M. (2012) *Human Dignity, Human Rights, and Responsibility: The New Language of Global Bioethics and Biolaw*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Benhabib S. (2011) *Dignity in Adversity: Human Rights in Troubled Times*. Cambridge, Mass.: Polity Press.
- Bennett G. (2016) *Technicians of Human Dignity. Bodies, Souls, and the Making of Intrinsic Worth*. New York: Fordham Univ. Press.
- Bondar N. S. (2017) Konstitutsionnaya kategoriya dostoinstva lichnosti v tsennostnom izmerenii: teoriya i sudebnayapraktika [The constitutional category of human dignity in the value dimension: theory and judicial practice]. *Constitutional and Municipal Law*, no. 4, pp. 19–31.
- Carozza P.G. (2013) Human Dignity. In *The Oxford Handbook of International Human Rights Law* / Ed. by Dinah Shelton. Oxford: Oxford Univ. Press. DOI: 10.1093/law/9780199640133.003.0015
- Daly E. (2012) *Dignity Rights: Courts, Constitutions, and the Worth of the Human Person*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.
- Dupré C. (2013) Human Dignity in Europe: A Foundational Constitutional Principle. *European Public Law*, vol. 19 (2), pp. 319–339.
- Dupré C. (2016) *The Age of Dignity: Human Rights and Constitutionalism in Europe*. Bloomsbury Publishing.
- Düwell M. (2011) Human Dignity and Human Rights. In Kaufmann P. et al. (eds.) *Humiliation, Degradation, Dehumanization*. Springer, pp. 215–230. DOI: 10.1007/978-90-481-9661-6_15
- Fukuyama F. (2002) *Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Glensy R.D. (2011) The Right to Dignity. *Columbia Human Rights Law Review*, vol. 43, no. 1, pp. 65–142.
- Habermas J. (2010) The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights. *Metaphilosophy*, vol. 41 (4), pp. 464–480.
- Habermas J. (2012) The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights, *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 66–80.
- Jackson V.C. (2004) Constitutional Dialogue and Human Dignity: States and Transnational Constitutional Discourse. *Montana Law Review*, vol. 65, iss. 1, pp. 15–40.
- Kartashkin V.A. (2019) *Prava cheloveka i printsipy mezhdunarodnogo prava v XXI veke: Monografiya*. [Human Rights and Principles of International Law in the 21st Century: Monograph]. Moscow: Norma: INFRA-M.

Kass L.R. (2008) Defending Human Dignity. In *Human Dignity and Bioethics: Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*. President's Council on Bioethics, ed. Washington, DC: President's Council on Bioethics, pp. 297–331.

Khaitan T. (2012) Dignity as an Expressive Norm: Neither Vacuous Nor a Panacea. *Oxford Journal of Legal Studies*, vol. 32 (1), pp. 1–19.

Kleinig J., Evans N.G. (2013) Human Flourishing, Human Dignity, and Human Rights. *Law and Philosophy*, vol. 32, no. 5, pp. 539–564. DOI: 10.1007/s10982-012-9153-2

Kravets I.A. (2019) The Constitution of the Russian Federation, Human Rights and Human Dignity: Dialogue of Constitutional Theory, Practice of Constitutional Justice and International Norms. *Juridical Science and Practice*, vol. 15, no. 2, pp. 93–104. DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104

Kravets I.A. (2020^a) *Homo Dignus* v filosofskom i pravovom diskurse: chelovecheskoe dostoinstvo i filosofiya konstitutsionalizma [Homo Dignus in Philosophical and Legal Discourse: *Human Dignity* and the Philosophy of Constitutionalism]. *Voprosy Filosofii*, no. 2, pp. 26–37. DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2-26-37.

Kravets I.A. (2020^b) Konstitutsionalizatsiya dostoinstva lichnosti i perspektivy prava na sotsial'noe blagopoluchie [Constitutionalization of human dignity and prospects for the right to social wellbeing]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 41–53.

Laird J. (1940) The Ethics of Dignity. *Philosophy*, vol. 15, no. 58, pp. 131–146.

Levoshchenko V.S. (2000) Novyi aspekt v mezhdunarodnoi zashchite prav cheloveka: etika i biomeditsina [A new aspect in the international protection of human rights: ethics and biomedicine]. *Vestnik RUPF (RUDN), ser. Jurisprudence*, no. 2, pp. 135–142.

Mahlmann M. (2012) Human Dignity and Autonomy in Modern Constitutional Orders. In Rosenfeld, M. & Sajó, A. (eds) *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 371–396.

McClelland R.T. (2011) A Naturalistic View of Human Dignity. *The Journal of Mind and Behavior*, vol. 32(1), pp. 5–48.

Meulen R.T. (2010) Dignity, Posthumanism, and the Community of Values. *The American Journal of Bioethics*, vol. 10, issue 7, pp. 69–70. DOI: 10.1080/15265161003728852

Rubin C. (2008) Human Dignity and the Future of Man. In *Human Dignity and Bioethics*. Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics. Washington, D.C., pp. 155–172.

Sandler R., Basl J. (2010) Transhumanism, human dignity, and moral status. *The American Journal of Bioethics*, vol. 10, issue 7, pp. 63–66. DOI: 10.1080/15265161003714019

Tolstykh V.L. (2019) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [The course of international law: a textbook]. Moscow: Prospekt.

Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights (Web). Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights, adopted by the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization at its twenty-ninth session on 11 November 1997; endorsed by General Assembly resolution 53/152 of 9 December 1998 (<https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/HumanGenomeAndHumanRights.aspx>).

Vasiliev S.A., Osavelyuk A.M., Burtsev A.V., Suvorov G.N., Sarmanaev S.K., Shirokov A.Yu. (2019) Problemy pravovogo regulirovaniya diagnostiki i redaktirovaniya genoma cheloveka v Rossiiskoi Federatsii [Problems of Legal Regulation of Diagnostics and Editing of the Human Genome in the Russian Federation]. *Lex Russica*, no. 6, pp. 71–79 (<https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.071-079>).

Waldron J. (2012) How Law Protects Dignity. *The Cambridge Law Journal*, vol. 71, no. 1, pp. 200–222. DOI: 10.1017/S0008197312000256